

1999 год

Митя с Ириной и Ирина с детьми, январь 1999 г.

18 января 1999 г., Мурманск, МГТУ

1 января, после сытной и спокойной семейной новогодней ночи мы с Сашулей и Митей отправились к обеду в гости к Шагимуратовым. А, придя к ним, Сашуля обнаружила, что потеряла серёжку с агатовым камушком из пары, которая очень ей нравилась. Расстроилась, конечно. Неудачно год начался.

Эльвира у Шагимуратовых замуж вышла и совсем расцвела. Лена тоже молодцом выглядит. А зарплату получает - 394 рубля, меньше двадцати долларов в месяц! Это одна из ведущих кардиологов области! Ужас какой-то!

А погода по-прежнему минусила, и я твёрдо определился - завтра еду на залив в Ладушкин, чтобы там ни было.

2 января. Утром на термометре за окном минус один градус. Ветра никакого. Мы с Ваней, приготовив всё с вечера, направились к стандартному дизелю 9.50 с достаточным запасом времени, чтобы закупить корюшку для наживки и разузнать, куда лучше ехать. У дизеля, однако, сменилось расписание, и он ушёл в 9.00 (хотя накануне я у Шагимуратовых уточнял у Иры Колодкиной, как дизель ходит, так и она не знала этих новостей).

Короче - ни корюшки, ни информации, но автобус на Мамоново идёт в 9.55. Едем на нём до Берегового. У домов на отвороте от мамоновского шоссе к Береговому и без праздников-то неспросыхающие мужики уверяли нас, что льда никакого на заливе нет и быть не может, потому что вода солёная. Но мы упрямо двинулись лесной дорогой в обход зверосовхоза к заливу.

Обойдя зверосовхоз, мы решили заглянуть в магазин в Береговом, может, мойвы или салаки какой мороженой купим для наживы, нехорошо как-то совсем пустыми идти. Вывеску "Магазин" мы увидели на сравнительно новом здании бывшего клуба или ДК, а, заглянув туда, обнаружили кучку старушек, беседовавших с молодым священником. На вопрос, чего мы ищем, мы честно ответили - рыбки для наживы, на что нам предложили - лучше Богу помолиться. Мы пообещали, что обязательно, но не сейчас. Сейчас некогда.

Обогнув ещё несколько шатающихся на улице фигур, расспрашивать которых о чём-либо было абсолютно бессмысленно, мы вышли, наконец, к заливу.

И - о, чудо! Залив блистал сверкающей гладью льда, на котором были люди! И не просто были, а кучно толпились в одном месте, как это всегда и бывает при ловле корюшки. Немного народу, человек 10-12, но видно, что ещё к ним идут и справа и слева от нас. Сердце моё радостно затрепетало - не зря ехали!

Вот только выйти на лёд в том месте, где мы подошли к берегу, было, пожалуй, опасновато: молодой тонкий лёд, покрывавший рваную полосу разрыва между берегом и старым льдом, не выглядел надёжным, а мы были без пешни, с ледобуром только. Но было ясно, что выходы на лёд есть, надо просто искать место, где старый лёд прибит вплотную к берегу. Мы двинулись вправо и такое место вскоре обнаружили прямо под традиционным спуском с ближайшей к Береговому лесной горы.

А через пятнадцать, максимум, минут мы были уже в толпе, которая, действительно, оказалась толпой корюшатников, и корюшка, действительно, хоть и не шибко, но ловилась! Я был готов остаться здесь и заняться только корюшкой, Бог с ними, с судаками, но Иван был настроен иначе: покупаем здесь корюшку и бежим за судаком.

Я согласился: - Ладно. Сбегаем сначала за судаком, нам всё равно больше штуки на нос ловить нельзя - ни билетов, ни лицензии. Поймаем пару, если повезёт, тогда сюда на корюшку вернёмся.

Мы купили пять корюшек, вызвав некий даже ажиотаж: сразу несколько человек бросились нам предлагать корюшку на выбор, поняв, что мы не торгуемся и согласны платить по три рубля за штуку. Продавцы разъяснили нам, что далеко ходить не надо, судак хорошо берёт и в полудне ходьбы отсюда, а дальше всё равно лёд оторван и чистая вода.

Пройдя по гладкому льду полчаса, мы подошли к первым судачникам. У них на четверых было два "пиздрона", как они выразились, новая такая, значит, единица измерения судака появилась, то, что раньше, наверное, карандашами называли, некрупные самцы.

Мы прошли немного дальше и, не доходя до следующего ряда рыбаков, обнаружили две сравнительно свежие лунки, а неподалёку целую прорубь, правда, уже затянутую льдом. Лунки мы быстро расковыряли ледобуром, а вот просверлить прорубь получалось настолько хреново нашим разболтанным шнеком, что я командировал Ивана за пешней к ближайшим рыбакам, после чего мы быстренько оборудовали себе по паре полноценных лунок и начали в них блеснить.

Минут пятнадцать признаков клёва не было, а затем - бац! - у меня поклевка, ташу, и судак сходит у меня в самой лунке.

- Ваня! - кричу. - У меня судак сошёл!

Гляжу, а Иван судака на килограмм примерно на лёд выволок.

А через пять минут и я такого же вытащил.

И в общем-то всё, надо это дело кончать, нам больше ловить нельзя. Но попробуйте-ка в клёв остановиться! Ваня поймал ещё одного судака и один у него сошёл. Я поймал нашего четвёртого и один сошёл.

- Ваня, - говорю, - пора собираться, хватит браконьерить.

Ваня в принципе согласен, а я тем временем вытаскиваю один за другим ещё трёх судаков, всё самцы в районе килограмма весом или чуть больше. А вот и что-то крупное пошло, давно такого натяга не ощущал, сейчас леса лопнет! Нет, выдержала! И на лёд вывалилась пузатая чушка, самка с икрой, из самых крупных, какие мне когда-либо попадались.

- Иван! - кричу. - Кончаем, не унести рыбу-то будет.

Я сфотографировал судаков у лунок, Ваня щёлкнул меня с последней судачихой на блесне, мы распилили рыбу по рюкзакам и отправились к берегу. На бурение лунок и вылов восьми судаков мы затратили всего час двадцать минут, такой скорострельности я не помню, да и по абсолютному количеству у меня личный рекорд - шесть штук, а если бы ещё продолжить при таком-то клёве!...

Судаки на льду Калининградского залива, 2 января 1999 г.

Я с судачихой на блесне. Ваня на льду Калининградского залива, 2 января 1999 г.

И, главное, погода-то какая идеальная! Температура около нуля, ни ветерка, с утра солнышко было, потом туман сел. Руки-ноги не мёрзли, ни проолифенку, ни валенки не пришлось надевать, зря таскали. Вот это рыбалка! Давненько я таких положительных эмоций не испытывал. Теперь бы только на рыбнадзор не нарваться, за наших судаков безбилетных никаких денег не хватит рассчитаться.

Подходя к берегу, мы, конечно, вглядывались: не караулит ли кто на берегу браконьеров. И разглядели четыре фигуры, околавившиеся у того места, где мы выходили на лёд. Естественно, мы решили взять на всякий случай левее, то есть восточнее, в сторону Калининграда, к спуску от турбазы "Чайка".

Приблизившись, разглядели там на берегу одинокую фигуру, которая вдруг внезапно резво полезла по песчаной круче наверх, долезла до середины и спряталась за дерево. Наблюдатель? Нас заметил? Связь по радиотелефону держит с теми, кто в Береговом? А кто его знает, всё может быть. И мы взяли ещё левее, не приближаясь к берегу. Не до самого же Калининграда они тут стоят. Пойдём в Ульяновку, а то и в Ушаково, где-нибудь выберемся на берег.

У пионерлагеря мы опять разглядели фигурки на берегу и решили попробовать выйти со льда на берег через камыши, не доходя пионерлагеря, рискуя проломить тоненький лёд у камышей и в камышах. У очередного спуска от какой-то турбазы нам удалось выбраться на берег по лодочному проходу, рыбинспекции там не оказалось, и мы лесными дорогами с тяжеленными рюкзаками за плечами, ничуть, впрочем, не страдая от их тяжести, пошуровали в родную Ульяновку (это километра четыре от Берегового), выйдя в точь к остановке автобуса.

И автобуса долго ждать не пришлось, опять повезло.

Домой мы вернулись героями. Кот Тимофей ошалело таращился на судаков, вываленных в ванну, в край которой он вцепился передними лапами, вытянувшись во весь рост. Безменом взвесили улов: самый маленький судачок был на 700 граммов, самая крупная рыбина потянула на три кило (опять же мой личный рекорд!), а суммарный вес всех восьми судаков превысил десять кило.

Распределили, кому сколько отдадим: в Москву Бирюковым завтра Сашуля с Митей отвезут, Карповым парочку, Кореньковой позвонили: приходи за свежей рыбой. Нина пришла с Юрой и Андрюшкой. Все ахали, потом водки попили.

Я был доволен ещё и потому, что в кирхе попрекал народ за лень: все нищие, без денег сидят, а судаков по пятьдесят рублей килограмм продают, и никто их не ловит. Оправдываются: опасно, лёд плохой, дорога дорогая. Так лёд всегда почти плохой, а дорога-то уж дешевле судаков. Ленивы просто стали. Мы вот с Иваном не поленились, и вишь как отличились, могли бы и больше поймать...

Счастливый день был, надолго запомнится.

Тимка и судаки, 2 января 1999 г.

А на следующий день, **3 января**, Сашуля с Митей уезжали утром (в 10.10) поездом в Москву. Я же распрощался с ними дома и отправился снова в Береговой специально половить только корюшку, я же её жареную больше всякой любой другой рыбы люблю, хотя бы и судаков даже.

Но до автобуса я зашёл в кассы Аэрофлота и взял билет на самолёт до Мурманска на следующее утро, ибо совсем я как-то забыл про отчёт по гранту РФФИ, который должен быть отправлен не позднее 15 января, спасибо, в кирхе напомнили об этом, а к отчёту-то я ещё и не приступал. Рыбалка, конечно, дело хорошее, но лучше вчерашнего вряд ли будет. Съезжу ещё сегодня, а потом, может быть, ещё весной сюда сгоняю.

До отхода мамоновского автобуса 9.55 я успел на привокзальной площади ещё раз повидаться и попрощаться с Митей и Сашулей, которых провожала Ирина. А через час я снова был на льду у Берегового в толпе корюшатников, число которых по сравнению с вчерашним днём заметно увеличилось.

Я занял свободные лунки несколько в стороне от толпы, но в течение минут двадцати у меня там не было ни одной поклёвки, в то время как у соседей нет-нет кто-нибудь да вытаскивал корюшку. Я сменил место (передвинулся поближе к толпе) и поймал две штучки за следующие полчаса. Толпа тем временем рассасывалась: народ, поймав по две-три корюшки, отправлялся вглубь залива за судаком, собственно за корюшкой охотилось всего несколько человек.

Я ещё раз сменил место, и дело, наконец, пошло. Корюшка, как и в былые времена, клевала налётами: то тихо, то по всем удочкам долбит. В целом же клёв был, конечно, не ахти - я поймал 43 штуки. Но я и этим был вполне доволен. А ходившие за судаком дружно вернулись с глубин где-то после обеда: там лёд начало ломать, ветерок-то был

даже здесь у берега заметный, не то, что вчерашняя тишь.

Не зная расписания автобусов, я опоздал на несколько минут к остановке в Ладушкине, но за двадцатник с шиком доехал до вокзала на попутной иномарке. За оставшийся последний вечер в Калининграде мне надо было сделать ещё одно важное дело, обещанное Коренькову: высказать свои замечания о введении и заключении к его докторской диссертации, которые он мне дал на просмотр после семинара. Я их прочёл, и они мне не понравились, и даже весьма.

Рыбаки на льду Калининградского залива, 3 января 1999 г.

Я позвонил Юре и пригласил его к себе домой на прощальный ужин, а заодно и послушать мою критику. Юра явился, и мы под водку и жареную корюшку (на которую все как навалились, так, как будто и не ловил её вовсе, - моментально слопали, особенно Михаил старался, а на рыбалку со мной не захотел пойти, зато икры жареной судаковой мне хорошо перепало) прошлись по его введению и заключению.

Юра на мои замечания обижался, не соглашался с ними, рвался спорить, но мне пришлось быть жёстким:

- Юра, дорогой, препираться с тобой, спорить мне сейчас некогда, прости, пожалуйста. Я могу только высказать своё мнение. Оно вот такое. Ты над ним потом спокойно поразмышляй, и, может, согласишься с ним. Или нет. И переделаешь или нет. А сейчас не кипятись, не защита ещё. Давай лучше до конца по всему, что ты мне дал, пройдемся.

И прошлись. И распрощались.

Кореньков и Ваня у нас дома, 3 января 1999 г.

А на следующий день, **4 января**, после обеда я был уже в Мурманске.

Письмо Мити из Костанца от 8 января 1999 года

Привет!

Коротко о том, как добрался. Полет прошёл более-менее нормально, только вот над Франкфуртом была очень плотная облачность и самолет (ТУ-154) долго и основательно потрясло перед посадкой. Во Франкфурте тепло, +10 градусов. Недоверчивые немцы устроили ещё один дополнительный паспортный контроль прямо у трапа самолёта, не знаю уж с какой целью.

А вот на выдаче багажа я был неприятно удивлен - мой кейс вскрыли, похоже, с помощью отвёртки чуть ли не выломали цифровой замок с другой стороны, хотя на первый взгляд ничего не взяли (потом убедился, что действительно ничего не пропало, то ли их вспугнули, то ли ничего не привлекло внимания). В общем, я даже жаловаться не стал, поскольку скорее всего это шереметьевские старались, а замок они всё же не повредили.

До Констанца я доехал с пересадками через Штутгарт, пришлось доплачивать за ICE - самый скоростной немецкий поезд. Зато ещё до восьми был дома, то есть у Лены.

На работе все только появляются, активности пока никакой нет. В Констанце тоже очень тепло, но идёт дождь.

На этом пока всё.

Целую. Митя.

Письмо Мити из Констанца от 10 января 1999 года

Привет!

Посылаю тебе те сканы, которые ты просил.

Выходные провёл с Леной, вчера и сегодня выбирались погулять: вчера - в центр, а сегодня к Бисмарк-турм на холме рядом с нами (оттуда открывается неплохая панорама Констанца; я делал как-то оттуда снимок). Чуть-чуть подморозило, температура - около нуля, вчера ещё и с дождём/снегом, а сегодня - солнечно.

С завтрашнего дня буду готовиться к семинару, который провожу в четверг.

На этом пока всё. Целую. Митя.

Письмо Мити из Констанца от 13 января 1999 года

Привет!

Решил написать о последних новостях, чтобы немного отвлечься от работы над докладом к семинару, который будет в четверг утром. По большей части семинар будет о планах работы, а вот об истории с нитрованием простацклинсинтазы говорить пока не буду. Вчера (то есть в понедельник) Ульрих созвал всех на что-то вроде семинара, на котором речь зашла как раз об этом нитровании; Ульрих признался, что в последней вышедшей статье произошла подмена рисунка (я, по-моему, писал или говорил об этом, что в статью всунули картинку, у которой просто поменяли подпись; теперь говорится, что произошло это случайно), но сказал, что есть и подлинник, и они (авторы) эту ошибку исправят, а вообще-то нет сомнений, что простацклинсинтаза нитруется, на то есть множество доказательств, и надо продолжать работы над выявлением позиции тирозина, который нитруется и всё в этом духе. Перед моим семинаром о чём-то спорить мне не хотелось, тем более, что все факты я уже Ульриху выкладывал. В принципе на семинар материала выносится немного, поэтому готовлюсь я пока с какой-то ленцой.

В понедельник продолжил мой имматрикуляционный процесс, ещё раз подался к ответственной за это фрау Мальтс. Но и на этот раз меня завернули, придравшись к моей медицинской страховке: нужно, чтобы она была оформлена в государственной кассе, а я имел страховку от частной фирмы. Сегодня утром ездил страховаться в государственную контору, хотел также попасть и в иностранный отдел, чтобы подать

документы для получения разрешения на пребывание (то же самое я имел в Италии), но в офис была большая очередь, и я решил придти туда завтра пораньше с утра. Для имматрикуляции же теперь вроде бы всё готово.

Отпечатал плёнку, сделанную в России, там довольно много хороших снимков всего нашего семейства. Будет время, наделаю сканов.

Я и Митя в окрестностях нашего дома на улице Фрунзе в канун Нового 1999 года.

Алёша с Тимкой дома и с подружкой на детском новогоднем празднике, январь 1999 г.

13.01.1999

Сегодня я наконец-то стал студентом, т.е. имматрикулировался. Получил studentenausweis, теперь можно будет дешёвый проездной на транспорт купить, банн-карту для железнодорожных поездок за полцены, появилась возможность брать книги в библиотеке, да и ещё многих вещей без имматрикуляции нельзя было сделать. А в иностранном отделе в мэрии мне пока только выдали очередную анкету, которую надо заполнить, и только после этого мне дадут aufenthaltsgenehmigung. Заодно затребовал

анкету и для получения гренцкарты для поездок в Швейцарию.

На этом пока все новости. Целую. Митя.

В этот день, **13 января**, в Старый Новый год Славу Байдалова похоронили. Я ездил утром в морг прощаться.

А вечером сияние очень красивое над нашим домом было.

Моё письмо Мите от 14 января 1999 года

Здравствуй, дорогой сынуля!

Спасибо за письма и сканы и прости, что сразу не отвечаю: гнал отчёт для РФФИ и только сейчас его отправил, наконец. Теперь можно дух немного перевести. Правда, негры теребят, не терпят им, молят, чтобы я как можно скорее ехал в Аккру или Монреаль на церемонию подписания неких бумаг.

Я как маме сказал об этом по телефону (спросил: - Поедешь со мной в Монреаль?), так она сначала отшутилась, а потом, оказалось, ночь не спала и утром позвонила из Владимира, со слезами молит, чтобы я никуда не ездил, а то утопят меня в Гудзоновом заливе. Я пообещал, что до её приезда никуда не поеду. Но похоже, что поехать придётся. Захотелось приключений.

У нас здесь морозяки, на лыжах один раз только катался, но бегаю по утрам и по морозу (сегодня, например, минус 25 было).

Как прошёл семинар? Чем Лена занимается? Привет ей.

Целую, папа.

Тимка, январь 1999 г.

Письмо Мити из Костанца от 18 января 1999 года

Привет!

Не сумел написать на выходных - всё время был с Леной. Она на этой неделе собирается по вечерам сидеть с ребёнком одной её знакомой в городе и на неделе времени для общения у нас будет меньше. А в выходные нам очень повезло с погодой; снег, который выпал в начале недели (и выпало его очень много) опять растаял, и весь уикенд стояла очень тихая и солнечная погода, и температура поднималась градусов до десяти.

В субботу, правда, с утра пришлось уделить время магазинам: сейчас время распродаж, и я закупил себе немного обуви - новые туфли (все кожа, тёмно-

коричневого цвета, стоили 200 марок, а сейчас снизились до 100), а также новые кроссовки (Reebok, очень лёгкие и удобные, тоже за 100 марок (а раньше стоили 180)). Ближе к вечеру гуляли с Леной около Университета, а потом пошли в кино в центр (кинотеатр Scala на центральной улице Marktstättle).

Показывали фильм "La vita e bella" на итальянском языке с немецкими субтитрами. Наверное, вы слышали об этом фильме, получившем награду Большого Жюри в Каннах в прошлом году. Это история происходит в Италии во время Второй Мировой Войны и поначалу развивается как комедия, в которой парень приезжает в город, чтобы открыть там книжную лавку, и завоевывает сердце местной учительницы, одной из первых красавиц города, собиравшейся жениться на местном фашистском функционере. Эта часть сделана с очень хорошим юмором, на что Роберто Беннини (сценарист, режиссер и исполнитель главной роли Гвидо Орефичио) большой мастер (в Италии он очень известный комик).

Потом фильм делает скачок на несколько лет вперёд, в момент оккупации Италии немцами. Гвидо - еврей, и его с женой, дядей и сыном увозят в концлагерь (жена, впрочем, добровольно садится в поезд, чтобы быть с мужем и сыном). И Гвидо, пытаясь защитить сына (4-5 лет) убеждает его, что всё это игра, в которой нужно не плакать, не проситься к маме, не требовать еды, а потом прятаться (потому что всех детей уничтожали).

Цель игры - набрать 1000 очков (и все заключённые стремятся занять первое место), а главный приз - настоящий танк. И на протяжении всего заключения Гвидо удаётся сохранять в сыне эту убеждённость, а главное не терять самообладания и относиться ко всему с таким же юмором, как это было и при нормальной жизни.

И хотя Гвидо погибает в самом конце фильма (при оставлении лагеря немцами), его сыну удаётся пересидеть последнюю ночь в укрытии (немцы увозили всех заключённых), а когда он вылезает, к нему подъезжает настоящий танк (американцы) - его приз. Его поднимают на этот танк, а потом на дороге он видит свою маму (ей тоже удалось спрятаться) и кричит: "Мы выиграли!" - финал фильма.

На самом деле на словах всё это трудно передаётся, надо фильм смотреть. Фильм просто потрясающий, блестящая смесь трагизма и юмора, и Беннини играет фантастически. Честно говоря, я был более очарован его игрой (да и итальянский давно не слушал), поэтому не так эмоционально воспринимал концовку фильма, но на самом деле эмоции он вызывает очень сильные. Если он будет у вас идти, очень стоит на него сходить.

В тот же вечер мы были в гостях у Ольги Соколовой и Берндта, ещё там был Ленин земляк - историк Саша, кстати, они учились в одной школе и немецким в институте занимались у одного доцента. Ели фондю - расплавленный сыр (всё время подогревается) с вином и шнапсом, в него макают хлеб и едят. С Ольгой мы уже больше месяца не виделись, так что общаться было интересно, хотя мне немного сложно, потому что в основном разговор шёл на немецком, который я хотя всё больше понимаю, но разговариваю пока всё же с трудом.

Вчера же мы весь день гуляли, благо погода была прекрасная, сначала в Альмансдорфе (район на берегу рядом с нами), а затем сели на паром и поехали в Меерсбург и гуляли там.

В следующую субботу - групповая экскурсия в Цюрих (на один день) и мы туда записались (хоть из-за того, что гренцкарту я оформить не успею, придётся ещё раз 100 марок платить за визу).

Оформление мною документов почти закончилось, в пятницу получил *aufenthaltsgenehmigung* до января следующего года, в тот же день оформил студенческий проездной. Теперь осталось зарегистрироваться в налоговом офисе, а то, похоже, мне не дадут дополнительные 200 марок без этого.

Семинар прошёл нормально, принципиально ничего нового я от Ульриха не

услышал, работы предстоит, впрочем, много и надо её как следует спланировать. Об этом постараюсь написать позднее. Неделя будет явно загруженная работой как у меня, так и у Лены, которой надо сделать несколько рефератов, а через две недели она должна выступать с речью от русского общества Гёте в Ветцларе.

На этом пока всё. Целую.

Митя.

Моё письмо Мите от 21 января 1999 года

Здравствуй, дорогой сынуля!

Не ответил на твоё последнее письмо сразу "по состоянию здоровья": вчера ночью меня криз гипертонический очередной долбанул от переутомления и резкой смены атмосферного давления, с трёх ночи я практически не спал, а к утру меня всего трясло и пришлось "скорую" вызывать, давление к этому времени у меня подскочило до 190 на 120. "Скорая" меня уколола в три места, сделали ЭКГ - там всё вроде бы, слава Богу, в норме.

Несмотря на уколы, я так и не уснул, а пошёл на работу, зайдя сначала к врачу в ПГИ и купив по дороге дополнительных таблеток. Таблетки и вечерний ужин с красным вином дали прекрасный эффект, я отлично спал, с удовольствием бегал и делал зарядку утром, после чего давление у меня оказалось 130 на 90. Так что сейчас я вроде бы в норме и чувствую себя - тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, - весьма неплохо.

Мама приехала в воскресенье, 17-го, и мы с ней, только вещи с вокзала домой занеся, отправились кататься на лыжах. Скольжение было хорошее, погода чудесная, только я медленовато двигался, ослабевши был в преддверии криза.

Фильм "La vita e bella" мы не видели, а твоё описание впечатления от него нам понравилось. По стилистике же тебе вообще одно моё замечание, вернее, два: 1) не делай слишком длинные абзацы, дробь их; и 2) не злоупотребляй скобками.

Забыл тебя с имматрикуляцией поздравить, чего и делаем с мамой сейчас.

Привет Лене и ждём писем о вашей жизни.

Целуем. Папа, мама.

Письмо Мити от 25 января 1999 года

Привет!

Мы с Леной переживаем за твоё здоровье. Пьёшь ли ты то, что порекомендовала тётя Лена Шагимуратова (каптаприл, вроде бы); её описание звучало очень убедительно, по крайней мере для меня.

А что с неграми? Как развивается ситуация?

Я же на прошлой неделе принялся за эксперименты, проверял новое коммерческое антитело на простациклинсинтазу, а также экспериментировал с модификацией методики очистки фермента, а на этой неделе, возможно, ещё раз попробую заняться синтезом радиоактивного PGH₂.

В субботу ездили с экскурсией от университета в Цюрих на двух автобусах - было почти 100 человек. Перед этим мне пришлось побегать по швейцарским таможням; визу мне давать не хотели и пришлось покупать билет в Милан, чтобы всё же эту транзитную визу получить. Билет мы, конечно, тут же сдали. И даже с транзитной визой я чувствовал себя очень неуютно, пока мы не пересекли границу.

До Цюриха ехать чуть больше получаса; почти всё время не вылезали из тумана, который был и в Цюрихе (он тоже стоит на берегу достаточно большого озера). Центр города располагается у впадения реки Лиммат в озеро по обеим берегам, весьма холмистым.

Сначала нас повели в Мюнстер - главный цюрихский собор, первая постройка

которого относится к 12 веку; там же мы залезали и на колокольню, но вид был не самый лучший из-за тумана.

После собора мы пошли к университету, находящемуся рядом на холме. Эти здания были построены в начале века в Бисмарковском стиле, тяжёлые, монументальные. В Университете шикарный крытый внутренний дворик, опоясанный четырёхэтажной галереей. Вообще-то там мы только обедали; кормят вкуснее, чем в Констанце, но и в два раза дороже.

После обеда туман рассеялся и всю светило солнце, так что гулять было очень хорошо. С экскурсией мы прошли немного по центру, мимо дома, где жил Ленин в 1917 году, потом мимо ратуши на берегу Лиммата и к Фрауенкирхе, знаменитой витражами на окнах, сделанными Марком Шагалом.

Дальше мы с Леной отделились от экскурсии, и гуляли уже сами, сначала по берегу озера, а потом по центральной улице - Bahnhofstrasse, на которой расположено большинство крупнейших магазинов и бутиков Цюриха. Насмотрелись мы там на шикарные вещи, типа сумочек за 500 швейцарских франков и тому подобного (очень много часовых магазинов).

Потом мы ещё погуляли по маленьким улочкам между центром и рекой, выбрались на очень хорошую смотровую площадку прямо над рекой (на берегу, противоположном тому, где стоит университет). К этому времени уже к автобусу надо было идти, уезжали мы в полшестого. Думаю, что мы ещё и с Леной съездим в Цюрих, когда у меня гренцкарта будет; мы ведь ни в одном музее не были, а там их около тридцати.

Лена в Цюрихе на мосту через Лиммат и с видом на университет Цюриха на холме, январь 1999 г.

В целом же Цюрих не оставляет впечатления какого-то фантастического города, он достаточно интересен, но думаю, что Швейцария более интересна в своей сельской части, а Цюрих всё же космополитский город.

Вчера же (воскресенье) мы с утра с Леной и Сашей (из Тамбова) ходили в православную церковь, находящуюся в одном из помещений при бывшем францисканском монастыре. Службы ведёт батюшка - швейцарец, и ведутся они на немецком языке. Людей очень немного, человек пятнадцать, и русских почти нет. Служба, похоже, чуть менее строгая, чем в России, например, можно не стоять во время всей литургии, да и вообще на немецком это выглядит как-то непривычно.

После же мы заглянули на выставку фотографий о природе Бодензее, точнее, о части Гнадензее (около Райхенау на Рейне), где находится птичий заказник. Выставка, впрочем, весьма куцая. Потом мы ещё погуляли по городу, благо, впервые за неделю немного рассеялся туман и вышло солнце; была чудесная картина, так как все деревья

были покрыты изморозью, но увы, я не взял с собой фотоаппарата.

А вечером у нас в гостях были Ольга Соколова, Бернд и опять же Саша; мы угощали их фаршированными перцами.

Вот такие у меня здесь дела.

Целую. Митя.

Вид с Мюнстера в Цюрихе на Лиммат и центральную часть. Вид на Мюнстер, январь 1999 г.

Письмо Сашули Мите от 26 января 1999 года

Дорогой сынуля!

Вчера вышла на работу после отпуска, но письмо пишу сегодня, поскольку почти весь вчерашний день пришлось обучать работе с моделью мальчика из лица, которого прислал папа.

Расставшись с тобой, сынуля, в Шереметьево, я в такую тоску впала, что предстоящая трёхчасовая поездка в автобусе была бы мукой, поэтому решила, что мне нужны положительные эмоции для изменения моего настроения и ... поехала в Третьяковку. В последний раз я ведь была там с тобой, когда открыли после реставрации только небольшое число залов, а сейчас галерея работает в полном объеме.

Народу, к счастью, было не слишком много для выходного дня. Я начала с самых ранних художников - Аргунова, Боровиковского и т.д., но потом останавливалась преимущественно у любимых полотен. Тем не менее через три часа моя спина уже разламывалась, и тут я вышла в залы, в которых разместили выставку "Эхо прошедшего времени", посвящённую 100-летию объединения "Мир искусства".

Мирискусники всегда вызывают у меня большой интерес, а тут было так много нового для меня, замечательного, что я ещё больше часа провела в этих залах. Моё настроение после всего увиденного было такое приподнятое (несмотря на уставшую спину), что езда в автобусе и дождик, встретивший меня во Владимире, не смогли его испортить.

Сашуля во Владимире с мамой и соседкой Анной Ильиничной. В Москве с Майечкой Бирюковой, январь 1999 г.

А на следующий день ударил мороз сначала до -8, потом до -18 и всё покрылось льдом, так что ходить было почти невозможно, а 9-го у бабули концерт её хора в Доме учителя, вечером же этого дня концерт Владимирского камерного хора в Георгиевской церкви (ныне театр хоровой музыки). Я уже столько лет мечтала послушать этот хор, но всякий раз моё пребывание во Владимире не совпадало с их выступлениями. И вот, наконец-то! Очень хотелось и бабулю сводить на их концерт, но, еле доведя её до Дома учителя при свете солнца, не рискнула идти с ней по темноте.

Бабулин хор выступил вполне прилично. Слушатели, такие же учителя-пенсионеры как и хористы, принимали очень тепло, сердечно. Я очень рада, что у бабули есть такое место общения и времяпрепровождения.

А от выступления камерного хора я просто в восторге! Звучит как прекрасный музыкальный многоголосый инструмент! Какая выразительность!

И программа была прекрасная - "Пушкинский венок" Свиридова и Гаврилин.

А какая прекрасная акустика в этой маленькой церкви, где мест для слушателей всего около 70. Когда-то снова смогу послушать этот хор?

Была у бабули до 14-го, переделала массу дел: отодрала все потрескавшиеся обои в спальне и наклеила новые (у бабули был запасной рулон), выколотила на снегу все дорожки и ковры, сделала в квартире генеральную уборку. Искала по магазинам мебельную ткань для чехлов на диван и кресла в мурманской квартире. То, что нравилось, оказывалось в остатке, пришлось купить из того, что было (папа, к счастью, одобрил).

Бабуля всё охала, что я не отдыхаю, а я, наоборот, радовалась, что могу себя чем-то занять.

В Москву приехала 14-го после обеда и на следующий день вечером выехала уже домой. Днём 15-го сходила в музей частных коллекций на выставку бельгийского сюрреалиста Р. Магритта (1898-1967) из музеев Хьюстона, Нью-Йорка и Брюсселя и в музей А.С. Пушкина, что на Пречистенке. На выставку была очередь, целый час стояла под мокрым снегом. Впечатление произвели картины три-четыре, остальное или было забавно, как разгадывание загадки, или никаких чувств не вызывало.

А вот музей Пушкина (бывшая дворянская городская усадьба) мне очень понравился. Его же много лет ремонтировали и всё сделали с большим вкусом - как отделку помещений и интерьера, так и подачу и оформление экспозиции. Я присоединилась к экскурсии для старшеклассников с очень вдохновенной экскурсоводшей, сопровождавшей свой рассказ чтением пушкинских стихов, чтобы не пропустить какой-нибудь примечательный экспонат, а потом ещё походила сама по себе. Конечно, очень устала, но впечатлений хватит надолго.

В Мурманск ехала вместе с Т. Хвиузовой, но в разных вагонах. Ходили друг к другу в гости. Папа меня встретил и, не дав даже разобрать вещи, повёл на лыжную

пробежку. Я, кстати, с радостью на это согласилась. Погода была мягкая, чудесное палевое освещение с целой гаммой оттенков зари на облачном небе, хорошее скольжение.

Неделю дома посвятила мини-ремонту в ванной, туалете и кухне. Везде отскабливала шелушащуюся водоэмульсионную краску и покрывала заново.

23-го опять ходили на лыжах, но теперь уже при морозе -18-20. Тем не менее куртку я снимала. На следующий день мороз усилился до -27, папа всё равно пошёл на лыжах, но, дойдя до Питьевого, повернул домой - замёрз.

Папино здоровье меня очень беспокоит. Давление то и дело повышается до 170/110 (иногда до 180/120), особенно после решений вопросов с неграми.

А начать обследование ему все некогда.

До свидания, сынуля. Привет Лене. Целую.

Мама.